

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА ОППОЗИЦИОННОЙ ГАЗЕТЫ: ТАКТИКИ ЭВФЕМИЗАЦИИ ДИСКУРСА

А.Н. Тепляшина

Целью данной статьи является попытка представить поэтическое творчество журналиста оппозиционной газеты как альтернативное осмысление реальности в контексте трансформации распространенных социальных представлений и переживаний, ценностей и идеологием, моделей взаимодействия и отношений. В статье поднимается проблема рисков, связанных с опасностью балансирования публицистической критики на грани экстремизма. В статье представлен творческий портрет Д. Быкова, охарактеризованы черты языковой личности. Акцент смещен на исследование приемов эвфемизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оппозиционный дискурс, эвфемизмы, языковая личность, комический эффект, эмоциональная тональность

ТЕПЛЯШИНА Алла Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. a-nik@list.ru

Цитирование: Тепляшина А.Н. Языковая личность журналиста оппозиционной газеты: тактики эвфемизации дискурса [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 2. – С. 127–151. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

LINGUISTIC PERSONA OF A JOURNALIST OF AN OPPOSITION NEWSPAPER: TACTICS OF EUPHEMIZATION OF DISCOURSE

Alla N. Teplyashina

The purpose of this article is an attempt to present the poetic work of a journalist of an opposition newspaper as an alternative understanding of reality in the context of transforming common social ideas and experiences, values and ideologies, models of interaction and relationships. The article raises the problem of risks associated with the danger of balancing journalistic criticism on the verge of extremism. The article presents a creative portrait of D. Bykov, describes the

features of a linguistic personality. The emphasis is shifted to the study of euphemization techniques.

KEY WORDS: opposition discourse, euphemisms, linguistic persona, comic effect, emotional tonality

TEPLYASHINA Alla N. – DSc in Philology, associate professor, professor of Saint Petersburg State University. a-nik@list.ru

Citation: Teplyshina A.N. Linguistic persona of a journalist of an opposition newspaper: tactics of euphemization of discourse // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2020, № 2. – P. 127–151. Access Mode: <http://www.tverlingua.ru>

Введение

Эвфемизация как способ смягчения речевой агрессии в оппозиционном дискурсе стала объектом исследования не так давно, в связи с ростом внимания к экстремистским тенденциям социально-политической критики. В сфере массмедиа эксплицируются приемы текстопорождения, характерные для враждебной риторики, деструктивной по своей природе. Модель вербального поведения, выраженного прежде всего в политической экспрессивности текстового пространства, в привлечении соответствующего лексического материала, опасна как для автора, так и для аудитории. Медiateкст либеральной газеты в наибольшей степени представляет собой поле пересечения оппозиционного и экстремистского дискурсов, при этом последний обладает сильным эффектом речевой агрессии.

Среди наиболее емких определений дискурса, пожалуй, оптимальным будет его трактовка как знаково-символической деятельности, осуществляемой в публичном коммуникативном пространстве и обладающей обязательными свойствами: целостностью, связностью, информативностью, коммуникативно-прагматической направленностью (Шевченко, 2012). В. З. Демьянков выделяет четыре аспекта в исследовании политического дискурса: политологический, социо-психолингвистический, индивидуально-

герменевтический, филологический (Демьянков, 2002). С филологической точки зрения оппозиционный дискурс рассматривается как разновидность политического дискурса, отличающаяся широким спектром эмоций, установок, ценностей и взглядов, в большей или меньшей степени отрицающих эмоции, установки, ценности и взгляды, предлагаемые и культивируемые властью (Юмадилов, 2013: 144). Именно это противостояние формирует идеологический контекст исследуемого дискурса.

Основная часть

Оппозиционный дискурс представляет собой сферу коммуникативного конфликта прессы с властью. Неизбежным следствием этого конфликта является рискогенный характер дискурса. Взгляды и мнения воплощаются в парадоксальной смыслоформе, обладающей семантической и психоэстетической сингулярностью, высоким уровнем репрезентативной экспрессии. Идеи манифестируются не просто в текстовом материале, а в том, который наделен свойствами медиа и обращен к соответствующей аудитории. Лингвисты в речевой агрессии усматривают признаки проявления экстремизма: «Формулирование идей, в том числе и крайних, возможно исключительно через текстовую систему, т. е. данная акция всегда носит сугубо феноменологический характер, синтаксически, семантически и прагматически отчетливо выражена, репрезентируется при помощи соответствующего кода и может быть с необходимой глубиной идентифицирована» (Мельник, Мисонжников, 2015: 108). Возникают риски распространения порочащих сведений, совершения оскорбления, идентификаторами которых служат параметры атрибутированности, ненормативности, табуированности. Автор рискует унижить честь и достоинство героя произведения, сконцентрировав в его образе все отрицательные черты, используя при этом сниженную лексику, маркированную в лингвистических словарях как «груб., простореч., бран., руг».

Проблемы, связанные с провокационными высказываниями, приобретают фатальное значение как для отдельных авторов, так и для

издания в целом, поскольку возникает опасность трансформации оппозиционного дискурса в экстремистский. В современной российской лингвокультуре использование эвфемизмов в оппозиционном дискурсе является действенным способом избежать или предотвратить риски.

Оппозиционный дискурс синтезирует различные компоненты, и, в частности, психологический план, который идентифицируется с эмоциональным капиталом, обладающим суггестивной силой.

Генезис оппозиционного дискурса восходит к дискурсу либеральному, содержащему комплекс идей, сформировавшихся в XVII-XVIII вв. в Европе и повлиявших на развитие политических, экономических, культурных процессов в мире. Ключевые темы современного оппозиционного дискурса — экономическая свобода, права человека и другие либеральные ценности, коррупция, использование национальных ресурсов для личной выгоды представителей аппарата власти и т. д. постоянно присутствуют в ряде российских СМИ, среди которых выделяется общественно-политическое издание «Новая газета» (Горшков, 2012).

В демократических государствах оппозиция — естественный элемент политической системы. Она действует открыто, имеет собственные средства массовой информации, располагает реальными рычагами влияния на политику официальных властей и является одним из проявлений политического плюрализма. По справедливому замечанию Д. Хелда, «демократия не предполагает согласия по различным ценностям — скорее, она предлагает способ взаимосвязи ценностей и предоставления разрешения ценностных конфликтов участникам открытого процесса, подлежащего соблюдению лишь некоторых условий, защищающих порядок и форму самого процесса» (Хелд, 2014: 429). Известный российский социолог Л. Д. Гудков дает низкую оценку российского социума, заявляя о стойком рессентименте населения в отношении власти (обида на власть) и усилении механизмов негативной идентичности (значений внешних угроз, опасности, исходящей от чужих, отрицания или девальвации базовых ценностных

представлений, образующих структуру национальной идентичности) (Гудков, 2017: 118). Приверженцы данной точки зрения видят серьезную проблему, связанную с цивилизационным кризисом демократии и скептическим отношением к ее либеральной форме, поиском эффективной модели соединения идеи демократии с государственной системой управления, чтобы успешно реализовывать общественные интересы при использовании действенных моральных механизмов, избегая правовых рисков.

Существует прямая связь между оппозиционностью субъекта СМИ и демократизацией языка. «Процесс демократизации языка (сопутствующий процессу демократизации общества), неотделимый от наплыва в него сомнительной и откровенно грубой лексики, в том числе и жаргонов, специфического языка криминального мира и т.д. в конечном итоге работает на расширение границ литературного языка. И английский сленг, и местные жаргоны, и блатной язык - это порождение не только определенной социальной среды. Это часто вызов официальному (литературному) языку. Современный язык СМИ удовлетворяет запросы тех, кого не устраивал литературный язык», — полагает С. В. Давыдова (Давыдова, 2011: 93). «Специфика русского языка в этом отношении предстает особенно наглядно в сопоставлении с западноевропейскими языками, где такого рода лексика не табуирована», - подчеркивает профессор Б. А. Успенский (Успенский, 1996: 9).

Снятие цензурных запретов в 1991 г. привело к тому, что в течение более чем двадцати лет СМИ были переполнены обценной лексикой. «В обширном и разнородном множестве ОБ [обценных выражений] можно выделить два основных класса, - писал Ю. И. Левин. - Первый класс составляют собственно ругательства, то есть выражения, употребление которых представляет собой самостоятельный речевой акт, определенным образом направленный и наделенный бранной иллокутивной силой (наряду, может быть, с другими). Во второй класс попадают субститутивные ОБ, не образующие самостоятельных речевых актов и, как правило, представляющие собой экспрессивные синонимы для «обычных» выражений

или их частей» (Левин, 1996: 110). Характерно, что в медиатекстах 1991-2014 гг. встречались обценные выражения как первого, так и второго класса, с общей интенцией создания комического эффекта практически в любом контенте.

В 2014 г. были приняты поправки к Закону 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», которые не только актуализировали проблему сохранения баланса между экспрессивной и ненормативной лексикой, но и заставили СМИ изменить речевую стратегию. Игровое начало, ирония и сарказм, интертекстуальность, палитра образов политических фигур — весь спектр языкового механизма комического требовал от авторов обращения к эвфемизмам.

Эвфемизмы можно отнести к одной из самых динамичных сфер в составе любого языка, подчеркивает О. С. Иссерс (Иссерс, 2017: 45). Динамика эвфемизмов коррелирует с исторической изменчивостью границ между тем, что считается пристойным и непристойным. К анализу роли эвфемизмов в языковой динамике обращалась Л. В. Зубова. В результате серьезного исследования ученая пришла к прогностическому выводу: «Роль эвфемизмов в языковой динамике агрессивна и деструктивна. Экспансия эвфемизмов приводит к выталкиванию из языка нейтральной и терминологической лексики. ... В низкий стиль постоянно перемещается большое количество слов, которые до выполнения ими заместительной функции не являлись ни грубыми, ни обидными» (Зубова, 2014: 444).

Контент-анализ номеров «Новой газеты», вышедших после 2014 г., не выявил случаев использования запрещенных корней, вместе с тем можно заключить, что прозрачное замещение обценных эвфемизмами в политических обозрениях стало визитной карточкой журналиста Дмитрия Быкова. Быков еще в период обсуждения предполагаемых поправок к Закону 53-ФЗ заявлял, что полный запрет обценной лексики приведет к поиску эвфемизмов.

Языковой личности Быкова посвящен ряд исследований, в которых

определяется проблемное поле его дискурса (Кульгавчук, 2014), изучаются образ и маска автора, анализируется творческая манера (Григорьева, 2012). Важно отметить, что тексты Быкова сохранили базовые черты дискурса 1990-х гг. — активность отрицательной оценочной номинации, карнавализованный характер интерпретации действий политических акторов.

Детерминанта творческой манеры Быкова, на наш взгляд, определяется феноменом карнавализации. Прежде чем анализировать современные карнавальные формы, реализуемые в оппозиционном дискурсе «Новой газеты», обратимся к концепции карнавализации, предлагаемой М. М. Бахтиным. Ученый выделил глобальный признак интересующего нас феномена — вседозволенность, включающую фамильярность, эксцентричность, смех, профанацию, непристойность, табуированную лексику. «Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности, господствующим правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка. Для него характерна логика «обратности» (à l'envers, «наоборот»), «наизнанку», логика непрерывных перемещений верха и низа («колесо»), лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний» (Бахтин, 1990: 16). Карнавал, по Бахтину, — это временный праздник, за которым неизбежно следует ужесточение норм и законов реальной действительности. Карнавал в интерпретации Бахтина не следует связывать с понятием карнавала исключительно в бытовом смысле.

Базовые черты оппозиционного дискурса «Новой газеты» идентичны признакам активных процессов в русском языке на рубеже столетий. Это — активность отрицательной оценочной номинации, заранее заданный характер оценок, многообразная манифестация узнаваемых адресатом оценок, преобладание интерпретации над фактом (Какорина, 1996). Дискурс о внешней и внутренней политике России в произведениях Быкова представляет собой карнавализованное коммуникативное пространство в полном соответствии всем основным характеристикам постмодернизма с его

неопределенностью, фрагментарностью, деканонизацией, безличностью, иронией, гибридизацией, отражающими комический, абсурдный характер некоторых событий. Карнавализация означает полифонию, веселую относительность, имманентность комической картины мира.

Современная трактовка карнавализации содержит термин «квиринг», под которым понимают альтернативное имеющемуся осмысление реальности, трансформации распространенных социальных представлений и переживаний, ценностей и идеологем, моделей взаимодействия и отношений (Арпентьева, 2018). Квиринг — это ракурс словесной картины антимира, речевое поведение автора которой воспринимается как антиповедение. Антиповедение проявляет себя в эпатаже, деструктивности, антитезе норме и порядку. Как оппозиция нормам, вкусам, канонам, культурным запретам, предписаниям, традициям, антиповедение высвобождает энергию творческой активности.

В жанровом репертуаре квиринга доминирует сатира, восходящая к античной мениппее. Особенности мениппеи, как и современной сатиры, заключаются в снижении уровня сакральности, преобладании отрицательной коннотации. изменении ассоциативной сферы, в двусмысленном использовании языковых единиц, характерных для «высокой» языковой культуры. «Табуированности матерщины и соотнесенных с нею слов несколько не противоречит активное употребление такого рода выражений в рамках антиповедения, обуславливающего нарушение культурных запретов» - отмечает Успенский (Успенский, 1996: 110).

Речевое антиповедение высвобождает негативные эмоции, являясь средством достижения основной иллокутивной интенции — внедрения в сознание читателей ощущения единомыслия с автором, нахождения на одной эмоциональной волне. Эмоции, по убеждению А. Вежбицкой, не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова принадлежат какой-то одной конкретной культуре и приносят с собой культуроспецифичную точку зрения (Вежбицкая, 1996). Нельзя не учитывать, что сниженная лексика является

одним из основных признаков разговорно-бытовой речи, доступной, понятной и естественной речи современной аудитории СМИ, в том числе и оппозиционных.

Среди многочисленных рефлексивов негативно-оценочного типа выделяются высказывания, иллюкутивной целью которых является констатация ошибочности действий политиков. Характер восприятия аппарата власти и его концептуализация в политических обозрениях Быкова интересно наблюдать с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвистики поэтического текста. Результат воздействия поэтического произведения — регуляция эмоционально-смысловой сферы читателя, которая зависит от степени адекватности понимания и эмоциональной аккомодации, т.е. возникновения у читателя эмоций, максимально сходных с авторскими. С этих теоретических позиций рассматриваются такие лингвистические явления в оппозиционном дискурсе как эвфемизация и гиперэкспрессивность. Под гиперэкспрессивностью понимается комбинаторика экспрессивных средств в публицистическом тексте. Гиперэкспрессивность выполняет компенсаторную функцию, актуализируя смысловую неоднозначность эвфемизмов.

Эвфемия выступает как способ создания комического, реализуемый в языке различными приемами и средствами различных уровней — фонетического, словообразовательного, лексического, морфологического, синтаксического, текстуального. Эвфемизмы — это слова или выражения, которые служат в определенных условиях для замены нежелательных обозначений. «Эвфемизмы недолговечны, - писал Б. А. Ларин. - Существенным условием действительности эвфемизма является наличие “грубого”, “недопустимого”. Как только это подразумеваемое неудобопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои “облагораживающие” свойства, так как переходит в разряд “прямых” наименований, и тогда требует новой подмены» (Ларин, 1961: 120).

Оппозиционный дискурс представляет собой особую сферу эвфемизации, в которой эвфемистически маркированные слова не трансформируются в эмоционально нейтральные (Крысин, 1996). Эвфемистические высказывания чаще всего оказываются способом дискредитации объекта критики, в результате чего они, по сути, становятся дисфемизмами, усиливающими комический эффект текста. Сатирический текст всегда отличается от текстов других стилей, тем более, когда он принадлежит к поэтическому пространству,

Как справедливо отмечает В.П. Павлючук, «политическая мысль писателей разных эпох откликалась либо на внешнеполитические, либо на внутренние обстоятельства, но общей в политической лирике, в сущности, всегда выступала одна тема: свобода и независимость – независимость страны, государства или же свобода человека внутри своего государства. И здесь нельзя не отметить факт амбивалентности понятия «народ», от имени которого неизменно выступает политический поэт. Во внешнеполитическом смысле понятие «народ» всегда равнозначно понятию «нация», тогда как в лирике, поднимающей социальные вопросы, «народом» были угнетаемые классы» (Павлючук, 2012: 249). Очевидно, концепт «угнетение» в медиатексте реализует суггестию. Можно указать на отдельные небольшие работы, в которых лишь частично затрагивается интересующая нас проблема (Желтухина, 2007). Не вызывает возражений утверждение М.Р. Желтухиной о том, что в политическом дискурсе присутствует комическое как разновидность эмоционально-ценностной ориентации наряду с цинизмом, грубостью, серьезностью, которое отличается от комического в других типах дискурса главным образом тем, что направлено, прежде всего, против лиц, претендующих на авторитет, а именно против политиков. В оппозиционном дискурсе чаще всего сам политик, его качества, его политическая деятельность становится предметом комического осмеяния. Такой текст наполнен чувственно-воспринимаемыми образами, что позволяет эмоциональной стороне содержания преобладать над стороной предметно-

логической (Желтухина, 2007:117). Как пишет А.И. Горшков, «определение художественных текстов как эмоционально-экспрессивных лишь подчеркивает важную роль экспрессивности, оценочности в произведениях художественной словесности. Что касается «количественного и качественного» соотношения в них предметно-логических и эмоционально-экспрессивных структур, то оно очень разнообразно» (Горшков, 2006: 120). Являясь самым сложным языковым единством, текст оценивается как комплекс явлений, основными составляющими которых считаются информационно-структурные и тональные (стилистические) качества текста.

Эвфемизмы призваны смягчать, вуалировать высказывание, которое может быть, с точки зрения воспринимающего субъекта, негативным, неприличным, неприятным. В словаре лингвистических терминов эвфемизм определяется как более мягкое выражение вместо грубого или непристойного (Жеребило, 2010). Однако в сатирическом тексте эвфемизмы начинают выполнять комическую функцию, противоположную своему прямому назначению (Сахно, 2006), (Вострикова, 2012). Эвфемизм выступает как языковой способ создания комического эффекта. Многие авторитетные исследователи эвфемии рассматривают комическую функцию как органичную эвфемизмам (Кацев, 1976), (Крысин, 1996), (Сеничкина, 2006) и др. Выполняющий комическую функцию эвфемизм одновременно и смягчает сообщение (дает возможность говорящему не называть прямо культурно и этически запретные явления) и усиливает его, так как смысл не названного прямо явления благодаря остроте становится еще более явным. Адресату предлагается не только догадаться о том, какая замена произведена, но и смоделировать ситуацию, в которой происходит замена. И еще один способ образования эвфемизмов – многословие, через которое может быть передан инвективный смысл.

Эвфемизмы в оппозиционном дискурсе расширяют свои возможности как языкового явления, одновременно усиливая воздействующий потенциал текста. Предназначенные для вуалирования информации, маскировки оценок,

которые могут показаться адресату негативными, неприятными, неприличными, неэтичными, здесь эвфемизмы выполняют противоположную роль – привлекают внимание к номинированному явлению.

Термин «стиль» мы употребляем в значении совокупности художественных средств, характерных для языковой личности; системы языковых средств и идей, свойственных автору; особой манеры речевого поведения, и, наконец, в значении эмоциональной тональности речи.

Немногочисленность примеров, черпаемых из массива поэтических журналистских произведений Быкова, объясняется тем, что, как писал в свое время Успенский, «изучение русского мата связано со специфическими и весьма характерными затруднениями. Характерна прежде всего табуированность этой темы, которая — как это ни удивительно — распространяется и на исследователей, специализирующихся в области лексикографии, фразеологии, этимологии» (Успенский, 1996: 9).

Ненормативную лексику естественной и необходимой для своего стиля Быков обосновал как в поэтическом манифесте, так и в интервью:

«Больного незачем лечить — Ему полезней отлежаться. Чтоб нашу участь облегчить, Мы можем только выражаться. Давайте обозначим грань - Здесь край работы непечатый! — Что отделяет просто брань От брани грубо-непечатной. А я бы разрешил и мат: Пускай орут пенсионеры — Язык обычный скудноват Для описанья нашей эры. Улыбку вызвать на лице Легко одним нехитрым словом, Всё охватить собой готовым. Оно кончается на «ц» (<https://www.proza.ru/2012/07/06/1604>, дата обращения к ссылке — 28.01.2020).

Я считаю, что мат это язык большинства, и в этом смысле он является как и эвфемизмом всяких эротических терминов, в России не приживающихся, так и именно упомянутым способом разрядки. А инакомыслие, то есть способность думать независимо от пропаганды, это удел очень небольшого количества людей, и, чтобы их сразу не убили, они пытаются закосить под большинство активным употреблением мата

(<https://ru-bykov.livejournal.com/3148388.html>, дата обращения к ссылке – 28.01.2020).

К экстралингвистическим факторам, оказывающим влияние на авторское предпочтение в выборе лексики, относится фактор языкового вкуса, которому посвятил монографию российский академик В. Г. Костомаров. Об этом писал и американский культуролог, лингвист Э. Сепир: «Люди... в значительной степени находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе» (Сепир, 1993: 261).

Сниженность как стилистический параметр лексического значения эмотива часто сопровождается эмотивной коннотацией отрицательного оценочного знака. Возвышенная лексика в конкретном контексте выражает неодобрение — иронию, сарказм, презрение. Вслед за Т.В. Жарковой подчеркнем, что «нарушение литературных норм, наблюдаемое в СМИ, негативно влияет на уровень культуры речи носителей» (Жаркова, 2013: 75).

По мнению Г.Я. Солганика, «язык СМИ не тождествен литературному языку. ...Взаимодействуя со всеми функциональными стилями, усваивая и перерабатывая их единицы в соответствии с действующими установками, язык СМИ создает новую реальность, определяющую важные процессы, происходящие в современном русском языке. Язык СМИ — это своеобразный мост между национальным и литературным языком» (Солганик, 2005: 23).

Подбирая эвфемизмы, Быков использует средства разных языковых уровней — фонетического, словообразовательного, лексико-фразеологического, морфологического, синтаксического и текстуального, а также стилистические средства и различные языковые приемы. Быков довольно успешно использует эвфемистичные аналоги ненормативной лексики, в т.ч. знаки, позволяющие сохранить семантику неприличности в ситуации искажения образа, смысла высказывания, осмеяния кого- или чего-либо:

*Пора признаться, рожу скосоротив: мне надоел посмертный этот бал, я ненавижу всех, кто за и против, а тех, кто воздержался, я вообще**

(Мизантропическое // Новая газета. 21 октября); *«И мусульмане заслужили, И на латиносах вина, Лишь мы при нынешнем режиме Не заслужили ни хрена»* (Постапокалипсис// Новая газета. 16 марта). *«Народ? Детишек? Сорок лет? Хе-хе. Послушайте, начитанные дяди, питомцы полурынка и совка, рыдальцы, теоретики и (пропуск), заложники-наложники ЧК, опутанные кляздой и ложью, ломающие дряхлую комедь, забывшие завет и правду Божью, и мне ли вас, щенки, не пожалеть!* (Смех Господень. Новая газета. 2 марта). *«У нас же лишь пугают и берут, У нас лишь возбуждают и сажают ... Трещит с утра очередное дно — Ни вывода, ни выхода, ни смысла, И если что еще возбуждено —То лишь дела. Все прочее повисло»* (Посадочное // Новая газета. 2017. 21 октября).

Языковая игра лингвокультурными терминами и категориями приводит к расщеплению их значения, и они нередко начинают выполнять роль своеобразных эвфемизмов по отношению к эротическому пласту стихотворений Быкова. Примечательно, что для грубой, вульгарной лексики, в избытке представленной в каждом тексте, автор не подбирает эвфемизмы, «дозволенные и пристойные наименования, по природе своей перифрастические или образные, скрывающие свой предмет, отвлекающие от его узнавания» (Ларин, 1961: 101). Стилистически эти слова, как правило, значительно усиливают экспрессивность высказывания.

Манипулирование эвфемизмами позволяет ввести в фокус внимания читателя скрытые смыслы, провоцирующие скептическое отношение к представителям аппарата власти. В этом случае используются прецеденты, вышедшие за рамки простой игры, не затрагивающей глубинных смыслов текста. Разделяя точку зрения Ю. Н. Караулова, мы называем прецедентными высказывания, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым

возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов, 2010: 216).

Заголовки произведений имеют два коммуникативных плана: первый имеет серьезную или нейтральную интенцию, второй план, связанный с содержанием текста, придает заголовку саркастически-игровую интенцию.

Перейдем к примерам, демонстрирующим, как эвфемизмы работают на прояснение авторского подтекста. В самом общем случае в характеризующей функции используются слова, в совокупности своей символизирующие код известного произведения или определенного сюжета:

И если в чем у всех единство — то разве в кодексе блатном: кругом закон и феня урок, бугры, терпилы, блатари, кто поумнее — тот придурок, кто не придурок — тот умри; конструктор, ядерщик, акустик (см. «В круге первом») — в шарашку, чтобы не скучал; кто не опущен — тех опустят, кого отпустят — тот стучал...» («Юбилейное» // Новая газета. 2018. 12 декабря). «Тут если и зайдешь в аптеку, то в ней не купишь ничего: лекарства плохи, цены кривы, у провизора хмурый вид... Конечно, есть презервативы, но совершенно не стоит. Звучит, конечно, однобоко, но гниль бессмертна, ночь длинна, земля плоска, и к фразе Блока мы не добавим ни хрена» (Памяти Блока // Новая газета. 2018. 17 ноября).

Чаще всего текст-источник восстанавливается по чувству ритма и слоговой структуры. От исходного текста в трансформированной цитате остается некий метафорический образ, но фоновые знания, общие для автора и читателей, позволяют установить связь между таким образом-знаком и прецедентным высказыванием, развернуть редуцированную мысль.

Быков часто использует прием парадоксального обыгрывания высказывания политика: *«Не хочу, чтоб было как в Европе, Где меньшинства нагло офигели Не хочу, чтоб было как в Италии, Где полно скандалов и протеста, Где у всех бывают генитальи, А у нас давно пустое место»* (Суверенное // Новая газета. 2018. 15 декабря).

Особенно важна в творчестве Быкова тема власти. В своих размышлениях Быков направляет внимание аудитории на оппозицию «власть — народ», эквивалентную оппозиции «друг — враг», которая черпает материал из любой предметной или жизненной сферы:

Хвала вождю, и френчу, и усам! Стране на поругание и горе, Он вынужден скончаться лично, сам, И памятник себе — хотя бы в Гори — Он заслужил. От мора и войны Мы ненадолго были спасены. ... Конечно, смерти радоваться грех, Но Сталин осчастливил чуть не всех (Не Сталин вспоминается, а Пален // Новая газета. 2019. 9 марта).

Быков постоянно напоминает о зыбкости власти, иллюзорности положения тех, кто властью наделен.

Выводы

К особым признакам языковой личности Быкова относятся психологическая и социальная открытость (диссипация); социальная трансцендентность (способность выходить за пределы повседневности в прошлое, будущее, в параллельные фантастические миры; рефлексивность; ответственность. Его полемический настрой определяет выбор семантических единиц, главными из которых надо считать иронию и коллоквиализм. Эвфемизмы, приемы пародирования, языковой игры, ироническое комментирование отличают стилистику произведений Быкова от большинства серьезных статей политических обозревателей, анализирующих атомарные факты сегодняшнего бытия.

Поэтический дискурс характеризуется личностным началом, концентрированной формой письма без какой-либо речевой избыточности. В целях передачи мыслей, настроения и эмоционального состояния поэт использует словоформы и выражения с «мощной речевой энергетикой», которые производят особый эффект узнавания мелодий, т. е. мелодии звучат в уме реципиента.

Любое сатирическое произведение Быкова — это прежде всего поэтический текст, содержащий в себе мощный комплексный стимул. Опираясь в исследовании своеобразия современной поэзии на классиков философии, Н. А. Фатеева заключает, что «это новое искусство, снимая некоторые прежние запреты языка, требует и иного восприятия текста: оно ориентирует читателя на поэтическую игру с автором, который порой глубоко ироничен, и, как бы резвяся и играя, открывает перед нами неизвестные ранее измерения и ракурсы непостижимого до конца универсума. Ведь и само слово автор происходит от auctor тот, кто расширяет» (Фатеева, 2001: 416). Автор демонстрирует скептическое отношение общества к политикам и негативно оценивает их намерениям и действиям. Делая акцент на оппозиционном характере сатирической поэзии, литературоведы заключают: «Наиболее ярко социальный характер поэзии проявляется в такие моменты, когда поэт делегирует свой уникальный авторский голос той массе бесправных и угнетенных, которая лишена возможности высказаться в поле современной культурной индустрии. При этом поэт не только говорит от лица неимущих и отверженных, но и позволяет их сегрегированным и часто неуклюжим, неприятным на слух голосам звучать и передаваться через его строки, через саму политизированную форму его протестного высказывания» (Винькова, Леонтьев, 2012: 81).

Анализ медиатекстов Быкова позволяет заключить, что дискурс о ценностях идеального, воображаемого мира как общечеловеческих ценностях определяет сферу коммуникации, конструируемой различными текстами, трансформирующими политический дискурс в оппозиционный. Медиатексты Быкова отличаются коммуникативным, социальным и идеологическим аспектами. Эвфемизмы придают комическую окраску высказыванию в медиатексте оппозиционной газеты, смягчая остроту критики, балансирующей на грани экстремизма.

Источники – Primary Sources

Быков – *Быков Дм.* К Закону о нецензурной брани // Режим доступа: <https://www.proza.ru/2012/07/06/1604>.

Быков – *Быков Дм.* Незаконная буква «Ё» // Режим доступа: <https://ru-bykov.livejournal.com/3148388.html>.

Мизантропическое – *Мизантропическое* // Новая газета. 21 октября

Не Сталин вспоминается, а Пален, 2019 – *Не Сталин вспоминается, а Пален* // Новая газета. – 2019. 9 марта

Памяти Блока, 2018 – *Памяти Блока* // Новая газета. – 2018. 17 ноября

Посадочное, 2017 – *Посадочное* // Новая газета. – 2017. 21 октября

Постапокалипсис – *Постапокалипсис* // Новая газета. 16 марта

Смех Господень – *Смех Господень* // Новая газета. 2 марта

Суверенное, 2018 – *Суверенное* // Новая газета. – 2018. 15 декабря

«Юбилейное», 2018 – *«Юбилейное»* // Новая газета. – 2018. 12 декабря

Ссылки – References in Russian

Арпентьева, 2018 – *Арпентьева М.Р.* Дискурсы и практики квирина в современных медиа // Современный дискурс-анализ. – 2018. № 3 (2). – С. 151–158.

Бахтин, 1990: 16 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. Лит., 1990. – 541 с.

Вежбицкая, 1996 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Винькова, Леонтьев, 2012: 8 – *Винькова В.А., Леонтьев Э.А.* Роль поэзии в социальном управлении // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. № 35 (289) – С. 80–83.

Вострикова, 2012 – *Вострикова О.В.* О комической функции эвфемизмов // Вестник Московского городского педагогического

университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. № 1. – С. 17–23.

Горшков, 2012 – *Горшков А.В.* Идеологическое обоснование концепции «государств-изгоев» в теории и на практике. — Пробелы в российском законодательстве. – 2012. № 2. – С. 266–269.

Горшков, 2012 – *Горшков А.И.* Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. – М.: Астрель, 2006. – 367 с.

Григорьева, 2012 – *Григорьева Е.А.* Дмитрий Быков в «Ордене Куртуазных Маньеристов» (к проблеме создания авторской маски // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. № 3. – С. 49–56.

Гудков, 2017: 118 – *Гудков Л.Д.* Ресентиментный национализм // Политическая концептология. – 2015. № 4. – С. 118.

Давыдова, 2011: 93 – *Давыдова С.В.* Язык средств массовой информации. *Lingua mobilis*. – 2011. № 2 (28). – С. 93–96.

Демьянков, 2002 – *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии. – В кн.: Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. Герасимов В.И., Ильин М.В. (ред.). – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 32–43.

Жаркова, 2013: 75 – *Жаркова Т. В.* Язык СМИ как показатель речевой культуры современного общества. Научные труды SWORLD. – 2013. № 4. – С. 75–79.

Желтухина, 2007: 117 – *Желтухина М.Р.* Суггестивное воздействие в русской, английской и немецкой лингвокультурах. — В сб.: Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс. Вып. 3. – М.: ИЯРАН; Волгоград: ПринТерра, 2007. – С. 201–213.

Желтухина, 2007 – *Желтухина М.Р.* О содержании дискурса масс-медиа // Вестник Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко: Филологические науки. Ч.1. – 2007. № 11(128). – С. 27–40.

Жеребило, 2010 – *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

Зубова, 2014: 444 – *Зубова Л.В.* Роль эвфемизмов в языковой динамике. – В кн.: XLIII Международная филологическая научная конференция. 2014. 11-16 марта. Тезисы. – СПб. СПбГУ, 2014. – 570 с.

Иссерс, 2017: 45 – *Иссерс О.С.* О вирусной эвфемизации в контексте массовой речевой культуры. – В кн.: Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. Молдован А.М. (ред.). Сер.: Культура русской речи. Вып.13. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2017. – С. 43–52.

Какорина, 1996 – *Какорина Е.В.* Стилистический облик оппозиционной прессы. – В кн.: Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: «Языки русской культуры», 1996. – С. 409–426.

Караулов, 2010: 216 — *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

Кацев, 1976 – *Кацев А.М.* Эвфемистический потенциал и его реализация в речи. – В сб.: Некоторые проблемы слова и предложения в современном английском языке. Деева И. М. (ред.). – Горький: Горьк. гос. пед. Ин-т, 1976. – С. 19–35.

Крысин, 1996 – *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи. – В кн.: Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Земская Е. А. (ред.). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 384–408.

Кульгавчук, 2014 – *Кульгавчук М.В.* Продолжение следует (некоторые размышления о творчестве Дмитрия Быкова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2014. № 4. – С. 94–100.

Ларин, 1961: 120 – *Ларин Б.А.* Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: Сб. статей, посвященный 75-летию акад. И. И. Мещанинова. Ларин Б.А. (ред.). – Л.: ЛГУ, 1961. – 358 с.

Левин, 1996: 110 – *Левин Ю.И.* Об обценных выражениях русского языка. – В кн. Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. Богомолов Н. А. (сост.). – М.: Ладомир, 1996. – 409 с.

Мельник, Мисонжников, 2015: 108 – *Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я.* Социолингвистические маркеры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. – 2015. № 4(44). – С. 108.

Павлючук, 2012: 249 – *Павлючук В.П.* Политическая и гражданская поэзия Ю. Кернера. Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы. Материалы седьмой международной научно-практической конференции. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2012. – С. 247–254.

Сахно, 2006 – *Сахно О.С.* Фразовая номинация как средство речевой эвфемизации (на материале языка русской художественной литературы XIX–XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.01. – Пятигорск, 2006. – 19 с.

Сеничкина, 2006 – *Сеничкина Е.П.* Эвфемизмы русского языка. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.

Сепир, 1993: 261 – *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

Солганик, 2005: 23 – *Солганик Г.Я.* О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ). – В кн.: Язык современной публицистики. Солганик Г.Я. (ред.). – М.: Флинта, 2005. – С. 13–30.

Успенский, 1996: 9 – *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. – В кн. Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. Богомолов Н. А. (сост.). – М.: Ладомир, 1996. – 409 с.

Фатеева, 2001: 416 – *Фатеева Н.А.* Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века. Новое литературное обозрение. – 2001. № 50. – С. 416–434.

Хелд, 2014: 429 – *Хелд Д.* Модели демократии. – М.: ИД Дело

РАНХиГС, 2014. — 543 с.

Шевченко, 2012 – *Шевченко А.С.* Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации (на примере русского, английского, бурятского языков): автореф. дис. канд. филол.наук. – СПб., 2012. – 19 с.

Юмадилов, 2013: 144 – *Юмадилов Р.Ф.* Эволюция политического протеста: от оппозиционности к оппозиции // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. № 1(20). – С. 139–147.

References

Arpentieva, M. (2018) *Discourses and practices of quiring in modern media*, № 3 (2), pp. 151–158 (in Russian).

Bakhtin, M. (1990) *Creativity Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*, 2-e izd. Moscow, Khudozhestvennaia literature, 543 p (in Russian).

Davydova, S. (2011) The language of the media, *Lingua mobilis*. 2 (28), pp. 93–96 (in Russian).

Demyankov, V. (2002) Political discourse as a subject of political science philology. In: *Political Science. Political discourse: history and modern research*, Gerasimov V.I., Ilyin M.V. (ed.), Moscow, RAN INION, pp. 32–43 (in Russian).

Fateeva, N. (2001) The main trends in the development of poetic language at the end of the 20th century, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 50, pp. 416–434 (in Russian).

Grigorieva, E. (2012) Dmitry Bykov in the Order of the Court Mannerists (to the problem of creating the author's mask) // *Bulletin of the Volga state University. V.N. Tatishcheva*. 3, pp. 49–56 (in Russian).

Gorshkov, A. (2006) *Russian style. The style of the text and functional style*, Moscow, Astrel, 367 p. (in Russian).

Gorshkov, A. (2012) Ideological rationale for the concept of "rogue states"

in theory and in practice // *Gaps in Russian legislation*, 2, pp. 266–269 (in Russian).

Gudkov, L. (2015) Resmenty nationalism. *Political conceptology* (4), p. 118 (in Russian).

Iumadilov, R. (2013) The evolution of political protest: from opposition to opposition // *Issues of national and Federal relations* (20), pp. 139–147 (in Russian).

Issers, O. (2017) About viral euphemization in the context of mass speech culture. In the book.: *Proceedings of the Russian language Institute. V. V. Vinogradova. A. M. Moldovan* (ed.). Ser.: Culture of Russian speech. Vol.13. – Moscow: Institute of Russian language. V.V. Vinogradov Russian Academy of Sciences, pp. 43–52 (in Russian).

Karaulov, Yu. (2010) *Russian language and language personality*, I.7. Moscow, LKI. 264 p (in Russian).

Katsev, A. (1976) Euphemistic potential and its realization in speech, In col.: *Some problems of words and sentences in modern English*, Deeva I.M. (ed.)... Gorkii, Gork. gos. ped. In-t, pp. 19–35 (in Russian).

Kakorina, E. (1996) The stylistic appearance of the opposition press. In the book.: *Russian language of the late XX century (1985-1995)*, Moscow, Iazyki russkoi kultury, pp. 409–426 (in Russian).

Kheld, D. (2014) *Democracy models*, 3-e izd, Moscow, ID Delo RANKhiGS, 543 p. (in Russian).

Krysin, L. (1996) Euphemisms in modern Russian language. In the book.: *Russian language of the late XX century (1985-1995)*. Zemskaya E. A. (ed.). Moscow, "Languages of Russian culture", Moscow, Iazyki russkoi kultury. pp. 384–408. (in Russian).

Kulgavchuk, M. (2014) To be continued (some reflections on the work of Dmitry Bykov // *Bulletin of the Center for international education of Moscow state University. Philology. Culturology. Pedagogy, Method*, 4. pp. 94–100 (in Russian).

Larin, B. (1961) About euphemisms // *Problems of linguistics: Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Acad. I.I. Meshchaninova*. Larin B.A. (red.), L., LGU. 358 p. (in Russian).

Levin, Yu. (1996) On the obsessive expressions of the Russian language. In the book. *Anti-world of Russian culture. Language. Folklore. Literature*. Bogomolov N. A. (comp.), Moscow, Ladomir. 409 p (in Russian).

Melnik, G., Misonzhnikov, B. (2015) Sociolinguistic markers of extremist text // *Gumanitarnyi vektor. Ser. Filologiya. Vostokovedenie*. 4(44). P. 108 (in Russian).

Pavlyuchuk, V. (2012) Political and civic poetry by Y. Kerner. *Higher humanitarian education of the XXI century: problems and prospects. Materials of the seventh international scientific and practical conference*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet. pp. 247–254 (in Russian).

Sakhno, O. (2006) *Phrasal nomination as a means of speech euphemization (on the material of the language of Russian fiction of the XIX-XXI centuries*, Abstract. dis. cand. philol.sciences, 10.02.01. Piatigorsk, 19 p. (in Russian).

Senichkina, E. (2006) *Euphemisms of the Russian language*, Moscow, Vysshaya shkola, 151 p. (in Russian).

Sepir, E. (1993) *Selected works on linguistics and cultural studies*, Moscow, Progress, 656 p. (in Russian).

Shevchenko, A. (2012) *Theater discourse: structure, genres, features of linguistic representation (for example, Russian, English, Buryat languages)*, Abstract. dis. cand. philol.sciences, Spb., 19 p. (in Russian).

Solganik, G. (2005) On the structure and the most important parameters of publicistic speech (language of the media) // In the book.: *The language of modern journalism*. Solganik G. Ya. (ed.), Moscow, Flint, pp. 13–30 (in Russian).

Uspensky, B. (1996) Mythological aspect of Russian expressive phraseology // In the book. *Anti-world of Russian culture. Language. Folklore. Literature*. Bogomolov N. A. (comp.), Moscow, Ladomir, 409 p. (in Russian).

Vezhbitska, A. (1996) *Tongue. Culture Cognition*, Moscow, Russkie slovari,

416 p. (in Russian).

Vinkova, V., Leontiev, E. (2012) The role of poetry in social management // *Bulletin of Chelyabinsk state University*. 35 (289). pp. 80–83 (in Russian).

Vostrikova, O. (2012) On the comic function of euphemisms // *Bulletin of the Moscow city pedagogical University, Series: Philology. Theory of language. Language education*, 1. pp. 17–23 (in Russian).

Zharkova, T. (2013) Media language as an indicator of the speech culture of modern society // *Nauchnye trudy SWORLD*, 4, pp. 75–79 (in Russian).

Zheltukhina, M. (2007) Suggestive influence in Russian, English and German linguocultures // In the col.: *Communication technologies in education, business, politics, and law of the twenty-FIRST century: Man and his discourse*. Vol. 3. M., IIRAN; Volgograd, PrinTerra, pp. 201–213 (in Russian).

Zheltukhina, M. (2007) On the content of the discourse of the media // *Bulletin of the Luhansk Taras Shevchenko national pedagogical University: Philological Sciences*, Part 1.11(128), pp. 27–40 (in Russian).

Zherebilo, T. (2010) *Linguistic vocabulary*, Nazran, Piligrim, 486 p. (in Russian).

Zubova, L. (2014) *The role of euphemisms in language dynamics*. In the book.: *XLIII international philological scientific conference*, March 11-16. Theses, SPb, SpbGU, 570 p (in Russian).